

ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОРТАНУ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 82

А.С. Пушкин и А. Ахматова: традиция и диалог

Идрисова Э.Т.

Актюбинский государственный университет им. К. Жубанова

Мақалада Пушкин поэтикасының Анна Ахматованың көркемділік модальдығына ықпал ету мәселесі қаралады. Пушкин поэтикасы — Ахматованың үнемі цитация мен автоцитацияның қайнар көзі және тәсілі. Сонымен қатар «Мен» және «Әлем» қатынастары контекстінде анықталатын лирикалық кейіпкерлер қатынастарының жүйесі Ахматованың пушкиндік дәстүрден шегінісін белгілеуге мүмкіндік береді. Ахматованың шығармашылығындағы Пушкиннің ықпалы кең цитаталық топқа ғана емес, сонымен бірге жаңа поэтикалық контекстер (мән – мәтіндер) құруға да негіз болды.

In the article the issues are considered of A. Pushkin's poetics influence on the poetic modality of A. Akhmatova. Pushkin's poetics is the source and method of permanent citation and autocitation by A. Akhmatova. At the same time, the system of persona relations defined within the context of relations "I" and "the world" allows observing departure of A. Akhmatova from the Pushkinian tradition. Influence of Pushkin has not only conditioned the broad citatory layer, but also creation of new poetical contexts in the oeuvre of A. Akhmatova.

Рецептивная природа художественного мышления А. Ахматовой и её влияние на эволюцию жанров в творчестве поэтессы обусловили специфику историзма, структуру художественности, повлекших, в свою очередь, особое отношение к акмеизму. Изучение этой особенности стиля Ахматовой сопоставимо с явлением *культурной парадигмы*. Понятие *культурной парадигмы* вошло в научный обиход на рубеже XX–XXI вв. [1; 488]. Чаще под культурной парадигмой применительно к лирике понимают поэтическую модальность. Так, «поэтическая модальность должна быть понята ... более широко: как специфическое отношение слова к действительности, при котором слово не может быть сведено ни к мифологически субстанциальному, ни к условно-поэтическому, ни к эмпирически-бытовому смыслу, а выступает как *принципиально вероятностный, но художественно реализованный мир отношения этих смыслов*» [1; 456].

Рецептивная природа эстетики Ахматовой, её внутренняя диалогичность выявляют роль культурной парадигмы как архетипа. Архетип традиционно понимается как обозначение «наиболее общих, фундаментальных и общечеловеческих мифологических мотивов, изначальных схем представлений, лежащих в основе любых художественных, и в том числе мифологических, структур (например, древо мировое) уже без обязательной связи с юнгианством как таковым» [2].

Впервые об эпиграмматичности словесной формы как одной из важнейших особенностей поэзии Ахматовой стал писать В. Жирмунский [3; 114]. Он видел в этом сходство её лирики с французской поэзией XVIII в. и вообще — с поэтикой французского классицизма. Как поэт, перешедший границы акмеистической эстетики, Ахматова оказалась на перекрёстке разных и многообразных традиций.

Приверженность Ахматовой классической литературе Е. Эткинд называл героической традиционностью и охарактеризовал её как фундамент поэтической оригинальности, неповторимого своеобразия. Под традиционностью учёный подразумевал развитие линий А.Пушкина, Е.Баратынского, Ф.Тютчева. Отсюда «сдержанный лаконизм, классическая афористичность и высокий эпиграмматизм Ахматовой» [4].

Рецептивная природа ахматовского дискурса обусловлена не только культурной парадигмой, но и функционированием *чуждого слова*. Впервые «введение различных видов *чуждого слова*» Ахматовой отметил В.В. Виноградов [5; 427], но эта идея не получила развития в его трудах. В конце XX в. о *полифонизации* ахматовской лирики писал Р. Тименчик [6].

Традиционное обращение Ахматовой к *чуждому слову* принято связывать с эпическими (романическими) тенденциями в ее творчестве [7]. На взгляд исследователя Л.Г. Кихней, *чуждое слово* Ахматовой всегда высвечивает типологичность ситуации, воспроизводимой в стихотворении, и в то же время придает тексту полифонически-многозначный смысл.

Чуждое слово, имеющее характер общих с другими поэтами цитат, например, с А. Блоком, и характеризующее своеобразие поэтического метода А. Ахматовой, исследовал и Р. Тименчик. Осложнение функционирования цитат у Ахматовой в сравнении с Блоком исследователь видит в синтезе обычного типа цитирования и прямого повторения фрагмента чуждого текста [6; 124]. Учёный отмечает и другие виды диалогических отношений с текстом-источником, например, запрет прямого названия определенного рода культурных ценностей, и среди них — конкретных мест «чужих текстов»: «*Не повторяй, душа твоя богата*». Исследователем были выявлены такие виды непрямого цитирования, как «тенева цитата», «опрокинутая цитата», «забытая цитата». В способах осмысления и внесения в текст цитаты прослеживается сущность акмеистической установки: понимание цитаты как микротекста («отдельный блуждающий стих»), а текста-источника — как находящегося в постоянном состоянии иерархической перестройки. В изучении природы *чуждого слова* у акмеистов для Тименчика важно присутствие мотива диалога «чужих голосов». Отсюда возможность рассмотрения ахматовского текста как диалога между несколькими цитируемыми текстами.

Проблема *чуждого голоса* в ранних стихах Ахматовой рассматривается современным исследователем в поле возможных решений между слиянием точек зрения авторского «я» и «голоса народа», хора «мы» и раздвоением лирического «я» и уточняется как исследование тональности авторского голоса [7; 119]. Учёный приходит к выводу о том, что в стихах Ахматовой голос «я» обладает теми же функциями, что и «чуждой голос». «Чуждой голос» анализируется учёным как источник новых интонаций и способ создания нового поэтического смысла.

Чуждое слово обладает, как целостность, определенной иерархией. В этой иерархии самостоятельный пласт в культурной парадигме составляет география перемещений. На эту особенность метода Ахматовой, ставшей основой для исследования целостности и эволюции, обратил внимание И.Гурвич [8].

Сущность, структуру и функции культурной парадигмы и её влияние на художественное сознание А. Ахматовой нельзя понять без изучения воздействия на её поэзию русской классики, особенно А. Пушкина, Н. Некрасова, поэтов пушкинской школы, русского психологического романа, а также мировой классики: Данте, Шекспира. В свое время, поднимая проблему *романности* поэтики А. Ахматовой, Б. Эйхенбаум и Вас. Гиппиус, а затем и некоторые другие исследователи отмечали в качестве её источников поэтику М. Лермонтова, Н. Гоголя, Л. Толстого. Если в 20-е годы ставилась проблема генетической природы *романности* в поэтике Ахматовой, её связей с русской психологической прозой, то расширенное понимание *романности* позволило позднее установить её типологические параллели с новейшей прозой. Ахматова и сама приводила различные имена западноевропейских писателей-прозаиков, близких по исканиям в области формы, — Кафка, Джойс.

Поэтика Шекспира, Данте, Пушкина — это источник и способ постоянной цитации и автоцитации у Ахматовой [9]. Ахматова считала, что поэзия есть великолепная цитата, точнее, навязчивое присутствие в поэзии литературных реминисценций даёт основание усомниться в модернизме поэта [10; 539]. Рецепции в стиле Ахматовой и специфика их акмеистического освоения создают основание для характеристики её стиля как полигенетического. Важно заметить, что вниманием исследователей к традициям Шекспира, Данте, Пушкина, Некрасова, Достоевского, Анненского как источникам поэтики Ахматовой проблема не исчерпывается.

Один из доминирующих истоков, перекрывающий идиолекты разных «школ», — пушкинская традиция [11]. Мнение о специфическом пушкинизме Ахматовой сформировалось к 1917 г. Оно связано с В.М. Жирмунским, А.Л. Слонимским, Д.П. Якубовичем, К.В. Мочульским и другими. Одним из оснований для такого мнения был разветвлённый пушкинский цитатный слой в стихах Ахматовой. После выхода в сентябре 1917 г. сборника «Белая стая» (в составлении и редактировании которого принимал участие М.Л. Лозинский), укоренённость поэтики Ахматовой в классических традициях русской лирики стала общепризнанной.

О рецептивной природе стиля Ахматовой писал и Б. Эйхенбаум. Учёный обратил внимание на сочетание стилистических приемов, свойственных поэзии Баратынского и Тютчева, с типично модернистскими приемами (И. Анненского) и с фольклором [12; 139]. Сочетание этих трёх стилей сопровождается разработкой Ахматовой разговорных и частушечных форм. Результаты — в описании дырявого платка Музы, которая «протяжно поёт и уныло». В. Жирмунский выделял в полигенетичном стиле Ахматовой голос И. Анненского, у которого она научилась искусству «передавать будничными словами тонкие оттенки лирических переживаний современного поэта... сочетание бытового и обыденного с душевными событиями большой субъективной значимости, эмоционального переживания с порождённой им рефлексией» [13; 71].

Особый цитатный слой в лирике А.Ахматовой — тема Пушкина. Это не только цитатный слой, но и перекличка образов. Так, лицейский период Пушкина отозвался в поэзии Ахматовой не только образом одной скульптуры в Царском Селе, но и попыткой передать чувства созерцавшего их великого поэта:

*Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.*

[14; 65]

В отличие от пушкинского стихотворение Ахматовой проникнуто чувством уязвлённого соперничества с воспетой другим поэтом девой как символом красоты: «*И как могла я ей простить / Восторг твоей хвалы влюблённой*» [15; 274]. В.Г.Маранцман считает, что эти строки относятся к Недоброву, спутнику Анны Андреевны, который вряд ли мог остаться равнодушным к прелестям «Молочницы с кувшином» [8]. К нему же обращены и заключительные строчки произведения:

*Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнажённой.*

[16; 274]

Формой другой переклички с Пушкиным является ахматовская вариация осени — любимого времени года у Пушкина. Тот же образ печальной осени:

*Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины.*

[17; 101]

Идиолек Пушкина проявляется не только постоянной поэтической апелляцией к пушкинским мотивам и образу поэта. В середине 1920-х Ахматова погружается в академические штудии, которые были связаны с осмыслением, во-первых, собственного художественного метода, во-вторых, своего положения в истории [18].

Линия «Пушкин — Ахматова» является наиболее разработанной в науке. Система отношений лирического героя, определяемая в контексте отношений «я» и «мира», позволяет установить отступление Ахматовой от пушкинской традиции. Целостность духовной жизни человека, связанной с историей и современностью, структурирована в пушкинском мире значением равновеликости. В художественном мире Ахматовой отношения с «миром» принимают более сложную природу, что делает относительной точку зрения Эйхенбаума о типологическом сходстве раннего эстетического символизма и акмеизма. Так, в противовес бальмонтовско-соллогубовской позиции индифферентизма к «миру», в стихах Ахматовой отношения «я» и «мира» не отличаются такой конфликтностью и противопоставленностью. Ахматовой чужда природа тотального конфликта, основанная на гипертрофии «гордого одиночества». Одиночество героя и его противопоставление миру проникнуто у поэта сознанием мировоззренческой и духовно-психологической драмы. Эмоционально-экспрессивная оценочность решена в приемах народных представлений о судьбе:

*Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут — и кукую.
Знаешь, долю такую*

*Лишь врагу
Пожелать я могу.*

[17; 35]

Пушкинский слой проступает в лирике Ахматовой в жанре сонета. Ахматова обратилась к сонету в 1913 г., переступив при этом через канонические установления: рифмы в катренах разные и вместо обязательного по традиции 6- или 5-стопного ямба поэтом применён 3-иктный дольник. Три пушкинских сонета 1830 г. — «Суровый Дант не презирал сонета...», «Поэту» и «Мадонна» и их интерпретация Ахматовой не только обозначили линию русского сонета XX в., но и явили своего рода жанровую оппозицию, отражающую новаторство поэта в этой области. В свое время Г. Гуковский обратил внимание на то, что строки: *«Но клянусь тебе ангельским садом, / Чудотворной иконой клянусь / И ночей наших пламенным чадом...»* — это клятвы Демона. Налицо резкий стилистический контраст.

Влияние традиций на формирование метода Ахматовой проявилось и в творческом освоении приёма самоповторений у Пушкина. Обнаружив, что повторение сходных сочетаний слов имеет глубинные истоки, коренящиеся в неустанном диалоге поэта со своим прошлым и с мировой культурой, Ахматова вводит диалог с прошлым как постоянную тему новых книг стихов и в качестве самоповторений использует постоянные темы ранней лирики. Особенно ощутима разная семантическая и стилистическая функция самоповторений на фоне сравнения «Седьмой книги» и «Чётки».

Теме «Ахматова и Пушкин» в аспекте вопроса о структурных моделях поздней Анны Ахматовой на материале «Поэмы без героя» посвящена работа М. Серовой [19]. Изучая пушкинские штудии Ахматовой, исследователь выявляет, что интерес к биографии Пушкина был связан для Ахматовой, во-первых, с формулированием глубинных основ психологии творчества, а во-вторых, с возможностью более широкого раскрытия этой психологии для читателя. Этим Серова объясняет поворот к прозе в её позднем творчестве. Она доказала также, что структурные принципы ахматовской прозы заимствованы из прозы Пушкина. Не случайно Ахматова, обращаясь к читателю, указывала на использованный принцип «белкинства» — принцип игры с читателем. Без учёта данного принципа невозможно не только прочесть ахматовскую прозу, но и постичь внутреннюю логику всего творчества поэта, прежде всего логику «Поэмы без героя», — считает М. Серова. Кроме того, замечая, что Пушкин открыто присутствует в творчестве Ахматовой на образно-тематическом уровне, на уровне очевидной интертекстуальности (множество эпиграфов) и т.д., исследователь подчеркивает, отсылая к свидетельствам современников, первых слушателей «Поэмы без героя», что обнаружение любых аллюзий, восходящих к творчеству Пушкина, Ахматова всячески поощряла.

Обоснованность самоповторений Пушкина в стиле Ахматовой подтверждается признаниями поэта Л.К. Чуковской: «Анна Андреевна Ахматова однажды сказала: «Чтобы добраться до сути, надо изучать гнёзда постоянно повторяющихся образов в стихах поэта — в них и таится личность автора и дух его поэзии. Мы, прошедшие суровую школу пушкинизма, знаем, что «облаков гряда» встречается у Пушкина десятки раз» [20]. Ахматова говорит здесь о том, что индивидуальные ассоциации, скрытые в глубине сознания поэта, выступают в форме «постоянно повторяющихся образов», которыми поэт как бы «проговаривается».

Это утверждение было оспорено в одной из последних статей Ю.М. Лотмана: «Можно было бы отметить характерную ошибку, не уменьшающую, а, напротив, увеличивающую интерес мысли А.А. Ахматовой. «Облаков гряда» встречается у Пушкина не десятки, а лишь три раза: в стихотворениях «Редет облаков летучая гряда», «Аквилон» и «Сражённый рыцарь». Но и этого оказалось достаточно, чтобы в чутком слухе поэтессы возник ряд, организующий массу текстов, где этот образ не встречается. Отсюда ошибка памяти» [21; 227]. Разделяет это мнение и О. Лекманов: «Лотмановская поправка кажется нам глубоко продуманной как содержательно, так и интонационно. Избегая злорадства сыщика, поймавшего своего подопечного с поличным, доброжелательный исследователь даже ошибку Ахматовой сумел использовать во благо пушкинистики и не во вред безукоризненной репутации поэтессы» [21; 227].

Первые публикаторы маргиналий Анны Ахматовой Э. Герштейн и В. Вацуро определили суть названия ею на полях пушкинского текста различных авторских имен: «...Общая концепция позволила ей с подлинным блеском интерпретировать значение литературного или реального источника как художественного импульса (а не заимствования или «подражания») и устанавливая внутренние связи между внешне совершенно различными произведениями» [22].

Ю.М. Лотман в письме к Б.Ф. Егорову писал, что «Ахматова ...Пушкина вообще не понимала» [23; 390]. Однако законы искусства и контактов литературных стилей таковы, что эта оценка не исключает того, что открытия Ахматовой не в последнюю очередь были связаны с переживанием и осмыслением Пушкина. Мнение учёного, сказанное по другому поводу: «...каждое подлинно новое завоевание литературы неизбежно по-новому раскрывает не только внешние внетекстовые связи, но и природу внутренней структуры живых явлений культурного прошлого» [23; 394], может быть иллюстрацией к сопоставимости художественной структуры Ахматовой с пушкинскими уроками в области стиля.

Ю.М. Лотман приводит пример влияния пушкинского стихотворения на ахматовское — пушкинского «Когда владыка Ассирийский» на интонационный строй стихотворения А.А. Ахматовой «Когда в тоске самоубийства...» [24; 84]. Исследователь сопоставил хорошо знакомый для современников определённый тип интонации романтико-лирического стихотворения, начинающегося с конструкции «Когда я — ты» с факультативным распространением («то толпа»: «когда в объятия свои...»), «Когда твои молодые лета...», «Когда так нежно, так сердечно...», «когда любовь и негой упоенный...».

Современный этап ахматоведения характеризуется оценкой рецептивной природы стиля не только как доминирующего в сфере пушкинизма, но и систематизацией в этой области следующих результатов: выявлением хронологико-биографической переключки, структурной цитации (метр, ритм, интонация, рифмовка, поэзия грамматики) [25].

В позднем творчестве Ахматовой проблема традиций и рецепций как парадигмы коррелирует с понятием *историко-культурной референциальности*. Так, в «Поэме без героя» современный исследователь обратил внимание на присутствие референций к Глебовой-Судейкиной (она же Психея), Мандельштаму, Кузмину, Князеву, Бахтину, Гоголю уже в первых семи строках «Посвящения» [26]. В последующих строках возникает мотив «края земли», который в своих пушкинских исследованиях сама Ахматова определяла как метафору смерти у Пушкина.

Рецепции Шекспира, Пушкина и других художников, воспринятых лирическим сознанием как возможность включения личного голоса в диалог с Историей и Культурой, участвовали в формировании жанрово-стилевых тенденций, воплощающих разные сферы бытия лирического «я» в поэзии А.Ахматовой.

Влияние мировой культурной традиции на поэтику А. Ахматовой не исчерпывается её творческим усвоением и рецептивной природой стиля поэта. Интересно, что эти литературные традиции становились предметом изучения Ахматовой. Филологические изыскания Ахматовой, безусловно, оказавшие влияние на структуру образности, стали темой её отдельных научных исследований. В этом А. Ахматова была близка А. Блоку, В. Хлебникову, О. Мандельштаму и Н. Гумилёву. Она не только изучала историю литературы, но филологическое знание входило в состав её поэтического материала. Кроме того, в «Поэме без героя» встречается термин «чужое слово» (введённый Бахтиным в его работе «Проблемы поэтики Достоевского»), введённое Ивановым-Разумником обозначение периода 1900-10-х гг. как серебряного века русской литературы (*И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл*) [27].

В 1946 г. Борис Эйхенбаум писал: «Историко-литературные работы Ахматовой важны не только сами по себе (они достаточно высоко оценены нашим советским пушкиноведением), но и как материал для характеристики её творческого пути и её творческой личности: уход от поэтической деятельности не был уходом от литературы и от современности вообще» [28; 12]. Даже по сдержанной формулировке учёного можно заключить, пишет Р. Тименчик, что существовал некоторый круг читателей, который отдавал себе отчёт в двуплановости ахматовской научной прозы и понимал, например, что статья о «Золотом петушке» трактует проблему поэта и власти применительно ко всем временам, в том числе и ко времени Ахматовой, Мандельштама, Булгакова, Замятина.

А. Ахматовой принадлежат статьи «Последняя сказка Пушкина («О «Золотом петушке»)), «Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина», «О «Каменном госте» Пушкина», а также работы «Гибель Пушкина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году» и др.). В «Вечере» Пушкину посвящено стихотворение из двух строф, очень четких по рисунку и трепетно-нежных по интонации. О Пушкине она высказывалась совершенно прямо: «Он победил пространство и время!». На долгие годы Пушкин становится для Ахматовой спасением и прибежищем от ужасов истории, олицетворением нравственной нормы, гармонии. Ахматова останется до конца верной пушкинскому завету художнику — *для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов / ни шеи* [18].

Среди знакомых Анны Андреевны были люди, так или иначе связанные с Пушкиным. Одним из них был Николай Владимирович Недоброво. Поэт, критик, автор первой большой статьи о творчестве Ахматовой в «Русской мысли» возводил свою родословную к Пушкину, и поэтому в его разговорах с Анной Ахматовой имя Пушкина упоминалось не раз. В 1916 г., в одну из совместных их прогулок по аллеям Екатерининского парка, и родилось стихотворение «Царскосельская статуя», идентичное пушкинскому заглавию, которое имело посвящение «Н.В.Н.» — Николаю Владимировичу Недоброву.

Таким образом, преодоление акмеизма А.Ахматовой лежит в сфере авторского сознания и обусловленности субъектных форм лирики. Одной из форм такого расширения акмеистической парадигмы являются рецепции, культурная парадигма.

Факторы рецептивной природы поэтики Ахматовой — особенности восприятия истории. Влияние А. Пушкина, поэтов пушкинской школы, Е. Баратынского, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Н. Некрасова, Ф. Тютчева, Л. Толстого, русского психологического романа, современной русской литературной традиции, а также мировой классики — Данте, Шекспира, православно-христианской эстетики и семиотики обусловили не только широкий цитатный слой, но и создание новых поэтических контекстов, новую модификацию *художественности*.

Рецепции, являющиеся выражением культурной парадигмы, обусловили полигенетичную природу поэтики А. Ахматовой.

Исследование рецепций мировой культуры является основой анализа художественности и структуры диалога. Диалогическая природа лирики Ахматовой обусловила основные этапы построения поэтического текста как развертывания культурной парадигмы.

Рецепции явились для поэтики А. Ахматовой источником *романности*, лирического сюжета, фактором драматизма.

Расширение границ акмеизма Ахматовой обусловлено её тяготением к русскому роману XIX в., с одной стороны, и выработкой собственного метода, основанного на новом характере объектно-субъектных отношений — с другой.

Список литературы

1. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). — М., 2000. — Кн. 2. — 960 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. — М., 1990. — Т. I. — С. 111.
3. Жирмунский В. Преодолевшие символизм. Анна Ахматова // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л., 1977. — С. 106–133.
4. Поэзия Анны Ахматовой на Западе. Германия и Франция // Иностранная литература. — 1989. — № 2. — С. 226–232 // (Электронный ресурс) // Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/2/etkind.htm>.
5. Виноградов В. О поэзии Анны Ахматовой: Стилистические наброски // В.В. Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы / Отв. ред. М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. — М., 1976. — С. 420–438.
6. Тименчик Р. Принципы цитирования у Ахматовой в сопоставлении с Блоком // Творчество А.А. Блока и русская культура XX века: Тез. I Весенний. (III) конф. — Тарту, 1975. — С. 124–126.
7. Тамура М. О чужом голосе в ранних стихах Анны Ахматовой // Ахматовские чтения / РАН. Ин-т мировой литературы. — М., 1992. — Вып. I. — С. 119–125.
8. Гурвич И. Любовная лирика Ахматовой (Целостность и эволюция) // Вопросы литературы. — 1997. — № 5. — С. 22–38.
9. Высказывания В. Брюсова, М. Кузмина, Э. Голлербаха, Р.В.Иванова-Разумника, Г. Чулкова приводятся по: Мусатов В.В. «Я еще пожелезней тех». I. «Все обещало мне его» (Электронный ресурс) // Режим доступа: <http://www.statya.com.ua/news84322.html>.
10. Хазанов Б. 1913 год // XX век. Серебряный век. — М., 1995.
11. Страда Клара и Витторпио. Анна Ахматова и ее XX век (Электронный ресурс) // Режим доступа: <http://www.statya.com.ua/news25002.html>.
12. Эйхенбаум Б. О поэзии. — Л., 1969. — 552 с.
13. Жирмунский В.М. Творчество А. Ахматовой. — Л., 1973. — 368 с.
14. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 7 т. — М., 1962. — Т. 2.
15. Первые шаги (Электронный ресурс) // Режим доступа: http://www.biografii.ru/biogr_dop/ahmatova_anna/ahmatova_anna.htm
16. Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. — М., 1998. — Т. 1. — 968 с.
17. Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. — М., 1998. — Т. 4. — 704 с.
18. Скрябина Т. Иосиф Бродский и Анна Ахматова (Электронный ресурс) // http://www.krugosvet.ru/articles/104/1010418/1010418_a1.htm.
19. Серова М. «А столетняя чаровница вдруг очнулась...» // (Электронный ресурс) // Режим доступа: <http://www.akhmatova.org/articles/serova10.htm>.

20. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. — Париж, 1980. — Т. 2. (Электронный ресурс) // Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/ahmatova3.htm>
21. Лекманов О.А. Концепция «серебряного века» и акмеизма в записных книжках А. Ахматовой // Новое литературное обозрение. — М., 2000. — № 46. — С. 216–230.
22. Тименчик Р. О «библейской» тайнописи у Ахматовой // Звезда. — 1995. — № 10. — С. 201–207.
23. Лотман Ю.М. Пушкин. — СПб.: Искусство-СПБ, 1995. — 847 с.
24. Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб.: Искусство-СПБ, 1998. — 704 с.
25. Жолковский А.К. Биография, структура, цитация: еще несколько пушкинских подтекстов // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. — М., 1992. — Вып. 2. — С. 20–29.
26. Лосев Л. Герой «Поэмы без героя» // Ахматовский сборник / Сост. С. Дедюлин и Г. Суперфин. — Париж, 1989. — С. 109–122.
27. Белый А. Театр и современная драма // Белый А. Символизм как миропонимание. — М., 1994. — С. 153–167.
28. Тименчик Р. Анна Ахматова: 1922–1966. Предисловие к книге «Анна Ахматова. После всего»: В 5 кн. / Вступ. ст. Р.Д. Тименчика. — М., 1989. — С. 3–17.

ӘОЖ 894.342

Алаш саясаткері Міржақып Дулатұлы қазақ әдебиеттану ғылымына нақты үлес қосқан тұлға ретінде

Каренов Р.С.

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

Впервые с системных позиций исследуется творческая деятельность выдающегося поэта, писателя, журналиста, педагога XX столетия Миржакупа Дулатова. Дается оценка его вклада в развитие казахской поэзии прошлого века. Освещаются труды М.Дулатова, посвященные отечественному фольклору. В контексте с политической деятельностью раскрывается литературная, журналистская и переводческая деятельность этой уникальной личности. Обобщается значение учебников и пособий, написанных одаренным просветителем, для становления и развития педагогической науки в республике.

For the first time from system positions creative activity of the outstanding poet, the writer, the journalist, the teacher of XX century is investigated by Mirzhakup Dulatova. The estimation of its contribution to development of the Kazakh poetry of the last century is given. Its works devoted to domestic folklore are shined. In a context with its political activity literary, journalistic and translational activity of this unique person reveals. Value of textbooks and the grants written by the presented educator, in formation and development of a pedagogical science in republic is generalised.

Алғы сөз

Алаш азаматы, қоғам қайраткері Міржақып Дулатов — қазақ әдебиеттануы ғылымына үлкен үлес қосқан тұлға. Отаны үшін жазықсыз репрессияға ұшыраған ғұлама ғалымның, әдебиетшінің, ақынның әдебиеттанулық мұрасы тәуелсіз ғылымның басты еншісі болып табылады.

Осы ғылыми мұраны бүгінгі тәуелсіз әдебиеттану тұрғысынан зерделегенде ерекше ескеретін жағдай — ол Міржақып Дулатұлының әдеби творчасының екі үлкен ерекшелігімен көзге түсетіндігі. Біріншісі — оның шығармаларының сол кездегі ұлт-азаттық қозғалысымен тікелей байланыстылығы. Дулатов қаламынан туған шығармалар әдеби туындылардың шеңберінен шығып, саяси программаға ойысып отырған. Мұнда сол кездегі Қазақстанның экономикалық-саяси, қоғамдық ахуалына толық талдау жасалған, ағартушылық, демократтық тұрғыдан не істеу керектігі айтылған. Екіншісі — М.Дулатов қазақ әдебиетінің дамуына жаңа бет ашқан дарынды ақын, жазушы, журналист.

Міржақып поэзиясы жайлы біраз сөз

Міржақыптың поэзиясы күрделі де көп қырлы. Ол бірде махаббат романтикасына бой ұрса, енді бір өлеңдеріне уақыт жүгі, заман талабы, халықтың мұң-зары арқау болады. Сезім сырларын ақтарған өлеңдерінде ақын жан толқынысына беріліп, ішкі күй тереңіне бойлайды.